

ВАИСОВЦЫ

В ЛИТВЕ * © Диляра М. Усманова

* Исследование осуществлено в рамках исследовательского проекта „Die Entwicklung der Vaisov-Bewegung im 20. Jahrhundert: Von dem «Gottesheer der Altgläubigen Muslime» zum «Islamischen Sozialismus» und «Neobulgarismus»“ и было поддержано фондом Герды Хенкель (Германия).

В статье речь пойдет о пребывании представителей рода Ваисовых и адептов ваисовского движения в Литве. Этот сюжет представляет собой одну из малоизвестных страниц в истории религиозного движения, известного в историографии как ваисовское.

* * *

Ваисовское движение (Ваисовский Божий полк староверов-мусульман) – религиозное, социальное и политическое движение, имевшее распространение среди мусульманского населения Поволжья во второй половине XIX – первой трети XX столетия. Основателем Божьего полка староверов-мусульман был дервиши Багаутдин Хамзин Ваисов (12.09.1810/1819 – 17.09.1893), последователь учения суфийского братства *Накишбандийя*. После смерти своего учителя шайха Джагфара аль-Кулатки аль-Булгари Салихова (1790 – 16.12.1862) Багаутдин Ваисов объявил себя его преемником, собрал вокруг себя учеников и единомышленников. Поселившись в начале 1860-х годов в Казани, он основал собственную общину и открыл в Ново-Татарской слободе молитвенный дом. С середины 1860-х годов Б. Ваисов неоднократно обращался к властям с просьбой оказать материальную поддержку своей общине, подвергал резкой критике официальное мусульманское духовенство, обвиняя их в многочисленных пороках, коррупции, разврате и отходе от «истинного ислама». Одновременно Б. Ваисов выступал с проповедями среди своих последователей. В сочинении «Тарик-и х[ө]аджаган» (1874) он выражал готовность молиться за здравие царя, содействовать умиротворению мусульманского населения и укреплению среди непокорных мусульманских общин власти императора. Ряд сочинений Б. Ваисова, как содержащие критические выпады против муфтия, не были допущены цензурой к печати. Вероятнее всего, неопубликованные сочинения Б. Ваисова были уже после смерти автора изданы его сыном Гайнаном в немного переработанном виде под названием «Джавахир-и хикмат-и дарвишан» (1907). В этом сочинении автор (Б. Ваисов) размышляет о Судном дне, наступление которого ожидалось в 1300 году по хиджре (1882).

При некотором своеобразии концепции конца мира, сформулированной Б. Ваисовым (прежде всего в плане датировки), религиозное мышление основателя общины можно рассматривать в контексте других эсхатологических движений (типа махдизма) в разных мусульманских странах при наступлении четырнадцатого столетия по хиджре¹.

Ваисовцы отвергали не только господствующий ислам, но и авторитет Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), обвиняя его руководство в коррупции. Действия властей расценивались ваисовцами как происки *даджала* (антихриста, сатаны), а пороки окружающего мира связывались с идеей конца света и Судного дня. Знамение скорого прихода даджала виделось также в русификаторских действиях местных и центральных властей по отношению к мусульманскому населению, в многочисленных пороках и разврате, поразивших казанских татар под руководством муфтия и кадиев. Б. Ваисов объявлял себя предвестником конца света, именовался «полководцем» (*сардаром*), а своих последователей считал членами т. н. «спасающейся группы» (*фирка-и наджийа*). Залогом спасения являлось возвращение к истинному исламу под руководством дервиша. Эсхатологическая составляющая религиозной доктрины ваисовцев, сформулированная в трудах Багаутдина Ваисова, оставалась основным языком описания социальной и политической реальности в 1870–1890-х годах. Позднее эсхатологический язык отходит на второй план и восприятие политической ситуации в ваисовских текстах рационализируется.

Центральной идеей в исторической генеалогии и религиозном учении ваисовцев была идея булгарского наследия, а себя ваисовцы называли булгарами (аль-Булгари) и мусульманами-староверами, отказываясь признавать такие сословные и этнические наименования, как «татарин», «крестьянин», «потомственный почетный гражданин» и др. Ваисовцы полагали, что в качестве потомков булгар они являются более древними мусульманами, не-

¹ Литература о Б. Ваисове и ваисовцах довольно обширна. Из числа наиболее значимых работ следует назвать: Катанов Н. Ф. Новые данные о мусульманской секте ваисовцев. Казань, 1909; Молостова Е. П. Ваисов Божий полк // Мир ислама. 1912. Т. I, № 2; Сагидуллин М. К истории ваисовского движения // Очерки по изучению местного края. Казань, 1930; Климович А. Ислам в царской России: Очерки. Москва, 1936; Валеев Р. К. Болак арты Республикасы. Казань, 1999; Усманова А. М. Духовное завещание Б. Ваисова // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002, № 3–4; Quelquejay Chantal Le “Vaisime” a Kazan: contribution à l'étude des confréries musulmanes chez les tatars de la Volga // Die Welt des Islams. N. S. VI (1–2), 1959. О религиозных воззрениях Б. Ваисова подробнее см.: Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889 // Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin, 1998, с. 393–429; Кемпер М., Усманова А. М. Ваисовское движение в свете собственных проповедей и поэм // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001, № 3–4, с. 86–122.

жели татары, поскольку их вера идет «аль-мисактан-бирле», т. е. со временем завета, заключенного ветхозаветным Авраамом и самим Богом. Термин *старовер* использовался ваисовцами для самопрезентации преимущественно в русскоязычных документах, где этот термин отсылал к хорошо известному не мусульманам феномену в православии. При этом ваисовцы уточняли, что они – староверы-мусульмане, и осознавали свое отличие от русских староверов. Каких-либо документальных свидетельств о наличии контактов ваисовцев с православными староверами Казанской губернии нет, однако полностью исключать этого не следует.

В 1870–90-х годах ваисовское движение выражало религиозный протест поволжских мусульман против проводимой правительством политики русификации и христианизации инородцев края. Отголоски этого протesta наблюдались и в период Всеобщей переписи 1897 г. Одновременно, движение приобретает черты социального протеста в условиях обострения социальных противоречий, явившихся следствием капиталистической модернизации российского общества. Активизация деятельности ваисовцев, распространение учения Б. Ваисова и увеличение числа его последователей наблюдались среди татарских крестьян Поволжья, страдавших от мало- или безземелья, связывавших ухудшение своего положения с христианизаторскими усилиями миссионеров и властей. Сторонники Б. Ваисова отказывались подчиняться гражданским властям, признавая над собой лишь власть императора. Совершение пятикратной молитвы во здравие государя ваисовцы считали своим прямым долгом, полагая, что молитвой они защищают верховную власть лучше, нежели с оружием в руках. Движение, помимо Казани, распространялось в населенных пунктах ряда уездов Казанской и Симбирской губерний, в меньшей степени – в Нижнем Поволжье, Сибири и Средней Азии. Наибольшее распространение идеи Ваисова получили среди социальных низов – татарских крестьян, ремесленников, мелких торговцев. Общее число последователей движения доходило от двух до пятнадцати тысяч человек.

После ареста и смерти основателя движения в психиатрической клинике, дело его продолжили ученики и последователи – Шигабутдин Сайфутдинов, Назмутдин Ижбаев, Габдуллатиф Халитов, Юсуф Файзуллин и др. (1880–1910-е годы). В начале XX столетия во главе движения встали сыновья Гайнан (1905–1918 гг.) и Газизян (1918 – начало 1920-х годов.).

В начале XX столетия движение приобретает ярко выраженный политический характер. Эта эволюция произошла под руководством одного из сыновей Багаутдина, Гинанутдина (Гайнана) Ваисова (8.11.1878 – 28.2.1918). В молодости он занимался розничной торговлей, жил в Казани, Симбирске и

Средней Азии (г. Мерв). За сопротивление полиции в 1903 г. был приговорен к годичному тюремному заключению, которое отбыл в ашхабадской тюрьме. В начале 1905 г. Гайнан вернулся в Казань, на волне революционного подъема возродил общину и провозгласил себя «сардаром». Примечательно, что ни Гайнан Ваисов, ни другие ученики и последователи Багаутдина не могли претендовать на полную титулатуру основателя ваисовской общины, особенно в отношении суфийских титулов (*шайх, дервиш*).

Пик активности ваисовцев пришелся на 1905–1909 гг., когда под руководством Гайнана они восстановили собственный молитвенный дом в Ново-Татарской слободе, учредили автономную от ОМДС религиозную общину и канцелярию с собственными метрическими книгами и казной. Г. Ваисов принял титул «сардар» и в 1908 г. предпринял поездку в Санкт-Петербург в надежде получить аудиенцию у императора. Одновременно лидер ваисовцев устанавливает контакты с Л. Толстым, входит с ним в переписку. С целью официально легализовать свое движение в 1908–1909 гг. руководители общины разрабатывают «Устав относительно военных молитвенников», обсуждают возможность проведения в 1910 г. съезда мусульман-староверов, для пропаганды своих идей намереваются издавать собственный журнал. В 1909 г. в отношении ваисовцев начались расследования, завершившиеся судебным процессом 1910 г. Из четырнадцати подсудимых одиннадцать были признаны виновными в создании и принадлежности к преступному сообществу, «поставившему себе целью неподчинение распоряжениям правительства», осуждены на различные сроки, от двух до четырех лет. Руководитель движения после отбытия тюремного заключения был сослан на поселение.

После Февральской революции начинается новый этап в развитии движения, связанный с идеей «исламского социализма», проповедуемого Гайнаном и Газизяном Ваисовыми, Шигабутдином Сайфутдиновым. В апреле 1917 г. в Казани состоялся съезд булгарских «Божьих воинов», приветствовавший Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов. Не найдя общего языка с лидерами либерального крыла национального татарского движения, осенью 1917 г. руководители ваисовского движения вступают в альянс с казанскими большевиками. Осенью 1917 г. лидеры движения заявили о поддержке Советской власти. После того как Гайнан Ваисов был убит при загадочных обстоятельствах во время событий, связанных с т. н. Забулачной республикой (март 1918 г.), движение возглавил младший из сыновей Багаутдина – Газизян. В январе 1919 г. состоялся второй съезд ваисовцев, на котором было принято новое название – «Партия ваисовцев революционеров-коммунистов».

Так движение прошло путь от эсхатологической религиозной «секты» до политической партии, что выглядит вполне логично в условиях стремительной политизации российского общества в начале XX в. Впоследствии вайсовская община еще больше маргинализуется и фактически распадается, а в 1930-е годы практически все руководители и активисты движения были репрессированы.

* * *

Пребывание представителей вайсовского движения на северо-западной окраине бывшей Российской империи связано в первую очередь с одним из сыновей Багаутдина Вайсова – Гаяном и приходится на вторую четверть XX в.

Ходжа-Мухаммед Гаян Багаутдинович Вайсов родился в с. Татарская Беденьга (ныне Тетюшского р-на Республики Татарстан) 17 февраля 1882 г. от брака Багаутдина с Гайнис-Джамал Вайсовой-Халитовой. По материнской линии он был внуком Габдуллатыфа Халитова, единомышленника и соратника Багаутдин-ишана. Вплоть до ареста и суда в 1910 г. проживал в родной деревне, занимаясь хлебопашеством и состоя муллой в деревенской староверческой общине, имевшей свой отдельный молитвенный дом². Примечательно, что староверческая община д. Беденьги в начале XX в. насчитывала около 135 человек, что составляло примерно четвертуху-пятую часть жителей села. Члены общины имели отдельный молитвенный дом, который располагался именно в доме Гаяна. Сын основателя секты считался главой сельской общины, исполнял обязанности имама, вел собственные метрические книги, куда вносились все сведения о родившихся и умерших членах общины староверов-мусульман. Гаян никогда не скрывал, что являлся весьма активным участником движения. Состоя одним из двенадцати «проверенных сардара», он подписывал составленный сардаром «Устав относительно военных молитвенников» и другие документы, в том числе многочисленные ходатайства и прошения³. В 1909 г., когда Гайнан был арестован, а по делу общины начато следствие, Гаян посыпал на имя императора заявление с просьбой прекратить преследования вайсовцев. В 1910 г. Гаян Вайсов тоже был арестован, в числе других осужден на двухлетний срок заключения, который отбывал в Вятской тюрьме и был досрочно освобожден 23 апреля 1912 г. После освобождения вернулся в родную деревню Татарская Беденьга,

² Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ), ф. 390, оп. 1, д. 3185, л. 52–52об.; ф. 51, оп. 4, д. 13475, л. 40–40об., 43.

³ НАРТ, ф. 41, оп. 4, д. 1983, л. 25–26. Из протокола допроса обвиняемого.

где в его отсутствие обязанности «имама» и главы общины выполнял младший брат Газизян.

Вскоре между местными имамами, представлявшими «законную власть», и руководителем ваисовской общины Гаяном отношения обостряются. Уже осенью 1912 г. указные имамы Джагфаровы (Джагфаровы и Гаян Ваисов приходились друг другу троюродными братьями. – Д. У.) написали на братьев Ваисовых донос, обвиняя их в подстрекательстве односельчан к беспорядкам и игнорировании указных мулл и законной мечети. Однако власти не стали раздувать тлеющий конфликт, предпочли не возбуждать нового политического дела и не дали доносу ход.

Период Первой мировой войны, двух революций и гражданской войны (1914–1918) – самые туманные в биографии Гаяна Ваисова. Нет никаких документальных свидетельств о деятельности его в это время. Сложно установить, когда он покинул родную деревню. По косвенным сообщениям – Л. Кричинский называет его «политическим эмигрантом из Поволжья с довоенного времени»⁴ – можно предположить, что это произошло накануне или в ходе Первой мировой войны или же непосредственно в революционные годы. Судя по тому, что его дочь Рауза родилась в д. Беденьга в 1916 г., он покинул родную деревню не ранее 1915 г. Так или иначе, уже в самом начале 1920-х годов Гаян оказывается на западе бывшей империи и оседает в Вильно, который в то время находился в составе Польского государства.

Вероятнее всего, его первая семья остается в родной деревне, так как в Вильнюсе он женится вторым браком на еврейской женщине по имени Рахиль, которая, перейдя в ислам, принимает новое имя – Райхана. Общих детей у них не было. По-видимому, именно на ее деньги была приобретена недвижимость и осуществлялась предпринимательская деятельность, поскольку собственного значительного капитала у Гаяна не было: все имущество Гаяна – дом и небогатое хозяйство в д. Беденьга – в 1909 г. оценивалось всего в 200 рублей. А уже в первой половине 1920-х годов Ваисов являлся владельцем большой пекарни и кондитерской в центре Вильнюса (пекарня площадью 129 кв. м. располагалась по ул. Гедимино, д. № 42/26), имел также кондитерский магазин и склады на окраине города, а за пределами Вильнюса – дом и мельницу. В 1922 г. им был приобретен очередной дом по ул. Викинто (в районе Виль-

⁴ Небольшая цитата из сочинения Леона Кричинского буквально звучит следующим образом: «Политический эмигрант из довоенной России – Ходзя Мухаммад Гаян Ваисов из Идель-Урала – приехал в гостеприимный Вильнюс, где осел и смешался с написми мусульманами, рассказал в Рочнике о движении Ваисова и ваисовцев, которые имели сторонников также и в среде литовских татар». См.: *Kryczyński Leon Najman Mirza. Tatarzy polscy a Wschód muzułmański // Rocznik Tatarski. 1935. Т. II, s. 116.*

ниюса под названием Зверинец), который использовался в качестве загородной дачи.

В 1920–1930-е годы Гаян Ваисов играл достаточно активную роль в жизни и самоуправлении мусульманской общины (гмины) Вильнюса. В частности, 28–29 декабря 1925 г. в Вильнюсе состоялся 1-й Всепольский съезд делегатов мусульманских общин (гмин). На съезд прибыло 58 делегатов, представлявших 18 гмин. Среди делегатов оказался и Гаян Ваисов, который был избран членом комиссии, образованной для разработки и представления в Центральную Раду (Совет) культурно-просветительских организаций польско-литовских татар проекта Устава мусульманской религиозной организации в Польше. Примечательно, что в состав этой комиссии были избраны Александр Ахматович (старший), Адам Мирза-Мурзич, Али Полторжицкий. На этом же съезде была объявлена автономия (автокефалия/самостоятельность) польско-литовских мусульман (которые до революции 1917 г. в Российской империи находились в организационном плане в ведении Таврического магометанского духовного правления), а также избраны муфтий Яков (Якуб) Шинкевич и заместитель муфтия полковник Яков Романович⁵.

В 1932 г. (14 февраля) имя Г. Ваисова встречается в числе членов правления мусульманских религиозных общин (гмин) в Польше. В правление входили также Леон Кричинский (президент), Богдан Ахматович (секретарь), Александр Эльяшевич и Ян Лебедзь (казначей)⁶. Гаян Ваисов вышел из состава правления (вероятно, по личным причинам, как и Ян Лебедзь) в августе 1936 г.⁷

Г. Ваисов принимал участие и в издании первого тома «Рочник татарски», который был подготовлен братьями Ольгердом и Леоном Кричинскими и издан в 1932 г. в Вильно. Для этого тома им была написана статья о контактах ваисовцев с Львом Толстым⁸. Также в 1932 г. Гаян Ваисов во время поездки по Турции с целью отдыха и лечения встречался с представителями ряда стамбульских изданий, дав подробное интервью о жизни польских мусульман⁹.

В 1930-х годах Гаян Ваисов не стоял в стороне от общественных дел. Кроме того, что он входил в руководство религиозных организаций польско-литовских мусульман, он также занимался благотворительностью, оказывал

⁵ Rocznik Tatarski. 1932. T. I, s. 321–322.

⁶ Kryczyński Leon Najman Mirza. Tatarzy polscy … , s. 330.

⁷ Życie Tatarskie. 1937, nr 2, s. 21.

⁸ Wajsow Chodzja Muchammed Gajan. Wajsow, wajswcy i stosunek do nich Lwa Tolstoja // Rocznik Tatarski. 1932. T. I, s. 215–222.

⁹ Rocznik Tatarski. 1935. T. 2, s. 123–124.

отдельным людям финансовую помощь. В газете «Татарская жизнь» были озвучены благодарности за финансовую помощь, оказанную им конкретным молодым людям. Судя по этим сообщениям, в 1934 г. он профинансировал жившим в Варшаве Абдул-Деяну и Омару Эксановым поездку в Сараево с целью обучения в медресе г. Сараево; в том же году оплатил вильнюсскому имаму Али Вороновичу расходы на дорогу в Каир для обучения в знаменитом медресе Ал-Азхар¹⁰. В 1939 г. пожертвовал 10 золотых на воссоздаваемый в составе польской армии татарский полк уланов¹¹. Это лишь те немногие случаи, которые были освещены прессой.

К сожалению, у нас нет никаких прямых свидетельств о взглядах, убеждениях и действиях Гаяна Ваисова в Польше в плане развития «ваисовского движения». Судя по косвенным данным, Гаян принципиально не участвовал в работе культурно-просветительских организаций и союзов польско-литовских татар, сотрудничая лишь с религиозными объединениями. Можно предположить, что он по-прежнему не принимал наименования «татары», по возможности дистанцируясь от любых союзов и объединений под подобным лозунгом. В то же время, активное участие его в религиозной жизни местных мусульман создало ему довольно широкую известность в kraе.

После оккупации Прибалтики советскими войсками, по сведениям внука Гаяна Ваисова, в 1940 г. Гаян Ваисов был репрессирован, а все его немалое имущество национализировано. Однако если факт конфискации и национализации имущества в 1940 и 1951 гг. подтверждается документально, то факт ареста и расстрела Гаяна Ваисова не совсем прояснен. Согласно спискам арестованных, хранящимся в Литовском особом архиве (*Lietuvos ypatingasis archyvas*), 13 июля 1940 г. действительно был арестован некий Ваисов Ходзя-Мухаммед Асов Гаянович, родившийся 15 сентября 1908 г. в г. Сулино (Туркестан), накануне ареста проживавший в Вильно (проспект Гедимино, 42/2), владелец пекарни¹². Однако ни протоколов допросов, ни личного дела, ни иных свидетельств о последующей судьбе этого человека в архиве обнаружить не удалось. Более того, уже в сводном списке арестованных на октябрь 1940 г. фамилия Ваисова не встречается. Исходя из этих скучных сведений,

¹⁰ *Życie Tatarskie*. 1934, nr 3. Кроме того, в 1933 г. он посетил Сараево, когда им были получены гарантии, что представители польских мусульман будут охотно приняты в медресе им. Хусрева Бегова. См.: Гришин Я. Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань, 1995, с. 113. Эти сведения были почерпнуты, вероятнее всего, из исследований Али Минкевича. См.: *Miskiewicz A. Tatarzy polscy. 1918–1939*. Warszawa, 1991.

¹¹ *Życie Tatarskie*. 1939, nr 3, s. 24.

¹² *Lietuvos ypatingasis archyvas*, f. K-1, ap. 8, b. 3, l. 8, 28.

сложно однозначно утверждать, что речь идет о Гаяне Ваисове или же, возможно, о его сыне. Если был арестован сын (судя по персональным данным), возникает вопрос о судьбе самого Гаяна. Таким образом, эти вопросы пока остаются без ответа, и обстоятельства смерти Гаяна Ваисова в 1940 г. нуждаются в дальнейшем изучении: было ли это самоубийство (а такие сведения имеются) или же его (или же его сына?) расстреляли представители новой советской власти? Что стало с сыном, если таковой действительно существовал?

По словам его внучатых племянников, у Гаяна Ваисова была только одна дочь Рауза (Роза). В то же время им ничего не известно о других детях Гаяна. Согласно сведениям «Книги памяти», Рауза Гаяновна Ваисова родилась в с. Беденьга в 1916 г., накануне ареста жила в г. Свердловске и состояла студенткой Свердловского горного института. Она была арестована 29 июня 1941 г., осуждена 16 декабря 1941 г. и приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей¹³.

Таким образом, после вероятной гибели Гаяна его супруга Райхана Ваисова остается одна, а поскольку у них не было общих детей, эта ветвь рода Ваисовых пресекается. Вскоре после войны к ней в Вильнюс из Средней Азии переезжает семья брата ее мужа: вдова Гайнана Биби-Сайран Ваисова с детьми (Хаджар, Мидхат и Махмуд). В настоящее время в Вильнюсе проживают многочисленные потомки Гайнана Ваисова, преимущественно дети и внуки Махмуда и Хаджар Ваисовых, которые, сохранив помять о Гайнане, имеют довольно смутное представление о ранней истории движения.

¹³ См.: www.memo.ru/memry/kazan/kaza11.htm